

А. А. Казаков

ИРИ РАН, Москва, Россия. ksandr.kazakov@gmail.com

О НЕКОТОРЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ КОНФЛИКТА ИОСИФО-ВОЛОЦКОГО МОНАСТЫРЯ С УДЕЛЬНЫМ КНЯЗЕМ ФЕДОРОМ БОРИСОВИЧЕМ: ДОСИФЕЙ ТОПОРКОВ И ЕГО РУКОПИСИ

Конфликт с удельным князем Федором Борисовичем – интересная и в то же время трагическая страница истории Иосифо-Волоцкого монастыря начала XVI в. В историографии она рассматривалась преимущественно в контексте посягательств удельного князя на монастырское имущество. В настоящей статье события исследуются в несколько ином ключе. Основной интерес автора направлен на влияние, которое оказал конфликт с Федором Борисовичем на судьбы постриженников, главным образом Досифея Топоркова.

Ключевые слова: Иосифо-Волоцкий монастырь, иосифлянская книжность, Волоцкий удел, князь Федор Борисович, Досифей Топорков

Основанный в 1479 г. Иосифом Саниным на территории Волоцкого удела монастырь с конца 1503 г. оказался в трудном положении. В ноябре скончались княгиня Ульяна Михайловна, вдова князя Бориса Васильевича Волоцкого (+ 1494), а затем их сын, молодой рузский князь Иван Борисович¹, – покровители и главные благотворители монастыря на Волоке. В новых условиях инокам пришлось иметь дело исключительно с волоцким князем Федором Борисовичем, сызмальства отличавшимся буйным нравом². «Да после, господине, князя Бориса Васильевича да его княгини князь Федор Борисович в все вступится: что бог пошлет нам, в том воли не даст, иное даром просит, а иное пол-цены емлет»³, – свидетельствует Иосиф Волоцкий в Послании Б. В. Кутузову, едва ли не единственном источнике о взаимоотношениях монастыря и удельного князя. Как видим, поводом к разладу, который инициировал Федор Борисович, стала смерть его матери; недаром Иосиф упоминает, что прежде того волоцкий князь «нас еще не грабил, матери для и брата для»⁴. Суть конфликта была в том, что Федор Борисович отбирал монастырские ценности, главным образом поступавшие в казну в качестве подушных вкладов деньги, иконы⁵, драгоценности, меха, утварь и прочую «рухлядь»: «что ни давали монастырю, кони, доспех, платие, и он то имал, как хотел»⁶. (Правда, недвижимые владения удельного князя совсем не интересовали, Иосиф Волоцкий не приводит такого рода примеров.) Не брезговал удельный князь и собственно монастырским имуществом, в частности писанными в монастырском скриптории книгами. Вероятно, на какие-то монастырские вещи Федор Борисович покушался еще при жизни матери и брата⁷, но лишь по их кончине спорадические изъятия монастырского имущества⁸ приняли масштабный и систематический характер.

¹ ПСРА. М., 1994. Т. 39. С. 176.

² Чтения в обществе любителей духовного просвещения (далее – ЧОЛДП). 1865. Кн. 2. Приложения. С. 123.

³ Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 210.

⁴ Там же. С. 215.

⁵ «Большим любителем изящных искусств был Федор Борисович Волоцкий, который не довольствовался собственной казной, но неоднократно пытался получить из Иосифова монастыря иконы Андрея Рублева и Дионисия, а также другие драгоценности. На это особенно сетовал Иосиф Волоцкий в посланиях к своему другу Борису Васильевичу Кутузову. Но из произведений искусства, находившихся в руках этого князя, почти ничего не дошло до наших дней. Его драгоценности оказались в складах у многочисленных кредиторов» [Николаева, с. 240].

⁶ Послания Иосифа Волоцкого. С. 210.

⁷ Иосиф Волоцкий упоминает церковные облачения и «кадило серебряное», которые Федор Борисович «имал с собою и под Смоленск, и под Торопец, и во Ржеву» (Послания Иосифа Волоцкого. С. 211). Поскольку Иосифов монастырь перешел «под руку» Василия III в феврале 1507 г. (ПСРА. Пг., 1921. Т. 24. С. 216), походы на Торопец и Смоленск, очевидно, следует отнести к 7007 (1498/1499) и 7009 (1500/1501) гг. соответственно. В этих походах участвовали князья Федор и Иван Борисовичи (ОР РГБ. Ф. 92 (Собрание С. О. Долгова). № 2. Л. 138–138 об.).

⁸ Вполне возможно, единичные покушения патрона на монастырское имущество в целом и на вклады по душе в частности не представляли в XVI в. чего-то из ряда вон выходящего. Так, например, из Вкладной книги Иосифова монастыря известно, что немалая по ценности часть вклада бывшего новгородского владыки Феодосия (+ 1563) была увезена в Москву по приказу Ивана Грозного без какой-либо компенсации (ОР ГИМ. Епархиальное

Все, о чем было сказано выше, хорошо известно в историографии: об этом писали и прежде [Лурье, с. 426–427; Зимин, с. 75–77], пишут и ныне [Алексеев, с. 61–67]. Но эти факты можно рассматривать не только как проявление глубинных процессов, главным образом как положительный сдвиг в отношениях игумена Иосифа и великокняжеской власти⁹, но и на локальном уровне: быта монастыря в условиях нарастающего давления со стороны Федора Борисовича, судеб Иосифовых постриженников и, как бы неожиданно на первый взгляд ни казалось, истории книжного собрания обители – той части монастырского имущества, которая, пусть и не в первую очередь, но все же интересовала волоцкого князя и, что самое важное, лучше всего сохранилась до наших дней.

Очевидно, князь Федор относился к насельникам Волоцкого монастыря без тени почтения, хотя при случае прибегал к их авторитету. Иосиф Волоцкий рассказывает, что по кончине князя Бориса Васильевича и раздела княжества между его сыновьями на два удела Федору Борисовичу «не захотел служить ни один боярин, ни диак, опроче Коура и Ртища». Удельному князю пришлось просить Иосифа и его старцев, чтобы те уговаривали служилых людей переходить к нему на службу¹⁰.

Пользовался удельный князь и монастырским кредитом, но, получив от монастыря 100 рублей, пресекал попытки иноков взыскать долг: «И мы послали попросить тех денег, – свидетельствует Иосиф, – и он хотел черныца Герасима Черного кнутием бити, а денег не дал»¹¹. (Справедливости ради отметим, что долг, по всей вероятности, был возвращен душеприказчиками князя уже после его смерти, во всяком случае, духовная Федора Борисовича содержит такого рода распоряжение¹².)

Пострадать от волоцкого князя Герасиму Черному пришлось, по крайней мере, еще единожды – впрочем, не только ему. Во время одного из приездов в Иосифов монастырь Федор Борисович обнаружил «у Герасима у Чернаго псалтырю добру, и он отдуха не дал. Да у Герасима у Замыцкого уведал деисус мастерского писма, и он и том докучял. И братья почали волноваться, иные захотели из монастыря пойти вон, а иные почали иконы и книги и иную рухлядь по иным монастырям розсылати, хоронити от него. Герасим Черной псалтирю отослал в Сергеев монастырь, а Замытцкой отослал свои иконы на Симоново»¹³.

Кажется, судьба Герасимовой Псалтири сложилась вполне удачно, она не затерялась среди обширного книжного собрания Троице-Сергиева монастыря, а была сохранена и через какое-то время возвращена в Иосифо-Волоцкий монастырь. По всей вероятности, это рукопись ОР ГИМ. Епархиальное собрание. № 89, в 4^о, последней четверти XV в., которая на л. 24 имеет запись о передаче книги игуменом Иосифом некоему Серапиону с тем, чтобы «ему ея не продать, ни отдать никому, ни по душе (своей) не дать, а отослать ему ея после своего живота во Осифъвъ же манастырь»¹⁴. Очевидно, упомянутый Серапион – не кто иной, как игумен

собрание. № 419 (далее – Епарх. 419). Л. 86). Впрочем, стоимости оставшейся части вклада хватило, чтобы внести имя Феодосия в вечный список и ставить по нему корм единожды в год. Другое дело, когда патрон накладывал руку на все поступившие на помин души ценности, лишая поминовения усопших, по которым был внесен вклад, – именно такую практику усвоил князь Федор Борисович с конца 1503 г.

⁹ «Юный князь Иван не оставил наследников, но на его удел был вправе рассчитывать родной брат – князь Федор. Согласно духовной грамоте князя Ивана, Рузский удел перешел его дяде – великому князю Ивану III... Считается, что Иосиф решающим образом повлиял на содержание завещания» [Алексеев, с. 147].

¹⁰ Послания Иосифа Волоцкого. С. 215.

¹¹ Там же. С. 211.

¹² ДДГ. С. 407. № 98. «Достоверность мрачной картины, нарисованной Иосифом Волоцким, – писал А. А. Зимин, – подтверждает духовная грамота князя Федора, составленная примерно в апреле 1506 г.». Из ее содержания следует, что «князь не брезговал всевозможными “займами”», а «среди ближайшего окружения волоцкого князя, упомянутого в духовной, нет ни одной более или менее известной княжеской или боярской фамилии» [Зимин, с. 76–77].

¹³ Послания Иосифа Волоцкого. С. 212.

¹⁴ Правда, Герасим Черный сам являлся умелым книгописцем (ЧОЛДП. Кн. 2. Приложения. С. 120–121), сохранилась и переписанная им Псалтирь, ОР ГИМ. Епархиальное собрание. № 90 (далее – Епарх. 90). Но отождествить ее с манускриптом, на который покусился волоцкий князь, не позволяет помета, согласно которой

Троице-Сергиева монастыря, занимавший этот пост с сентября 1495 г.¹⁵ Приведенная запись в Псалтири известна по описанию рукописей монастырской библиотеки из Епархиального собрания [Дианова, Костюхина, Поздеева, с. 177–178], и прежде ее интерпретировали так, будто игумен Серапион был вкладчиком Псалтири в Волоцкий монастырь [Дианова, Костюхина, с. 113], чего из содержания записи никак не следует. Неизвестно, в какое время и при каких условиях Псалтирь вернулась назад, зато можно указать период, когда она была передана игумену Серапиону. Это случилось не ранее конца 1503 г., когда было положено начало распре между удельным князем и монастырем, но не позднее 15 января 1506 г., когда Серапион был возведен на Новгородскую кафедру¹⁶.

В отличие от Псалтири Герасима Черного, деисус Герасима Замыцкого затерялся: описи монастырского имущества не содержат сведений об иконах, связанных с его именем. Зато примечательна судьба самого инока. Меновая с отводом грамота Симонова монастыря на земли в Московском уезде с Прокофием Разладой и его детьми содержит перечень имен симоновских старцев, среди которых назван и Герасим Замыцкий, причем на втором месте после настоятеля, архимандрита Варлаама¹⁷. Акт относится ко времени настоятельства последнего, с июня 1506 по июнь 1511 г.¹⁸ – тогда волоцкий постриженник Герасим Замыцкий не просто жил в Симоновом монастыре, а вошел в число наиболее авторитетных старцев. Можно предположить, что он ушел из Иосифова монастыря в пору, когда симоновским архимандритом был Вассиан Санин, младший брат Иосифа Волоцкого, то есть по крайней мере с лета 1502 по 18 января 1506 г.¹⁹ Не исключено, что приблизительно в этот же период из Волоцкого монастыря в Симонов перешел и Иосифов племянник Кассиан Младой²⁰, во всяком случае, в 1507/1508 г. по его заказу на Симонове были переписаны Постнические слова Исаака Сирина, вложенные в Иосифову обитель святителем Макарием в бытность его новгородским архиепископом²¹.

рукопись принадлежала старцу Гурию Старому (см.: Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. / Публ. Р. П. Дмитриевой // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 28 (Л. 34); [Дианова, Костюхина, Поздеева, с. 178]). Старец Гурий, имя которого неоднократно упоминается в актовом материале монастыря последних двух десятилетий XV – середины первого десятилетия XVI в. (АФЗХ. Ч. 2. С. 12–13, 15, 16, 26–27, 34, 38. № 6, 7, 10, 12, 22, 31, 36; ср.: [Зимин, с. 119, примеч. 90]) был современником Герасима и, по всей вероятности, заказчиком Псалтири Епарх. 90.

¹⁵ Согласно Житию Серапиона, тот принял игуменство после возведения его предшественника, Симона, на митрополию в сентябре 1495 г. (см.: *Моисеева Г. Н.* Житие Новгородского архиепископа Серапиона // ТОДРА. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 155; ПСРА. Т. 39. С. 169).

¹⁶ *Моисеева Г. Н.* Житие Новгородского архиепископа Серапиона. С. 157; ПСРА. Т. 39. С. 177.

¹⁷ Акты Симонова монастыря (1506–1613 гг.) / Сост. Л. И. Ивина. Л., 1983. С. 8. № 2.

¹⁸ Согласно летописным заметкам кирилло-белозерского старца Германа Подольного, Варлаам был «взят на Москву на Симоново» 5 июня 1506 г. (*Никольский Н. К.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. СПб., 1897. С. ХLI. Примеч. 1). 27 июня 1511 г. Варлаам был «възведен на митрополию двор», а 3 августа – хиротонисан в митрополита Московского (ПСРА. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 346).

¹⁹ Судя по жалованной грамоте князя Ивана Борисовича Ружского, Вассиан Санин был архимандритом на Симонове в июле 1502 г. (АСЭИ. М., 1958. Т. 2. С. 466–467. № 426), а 18 января 1506 г. стал архиепископом Ростовским (ПСРА. Т. 39. С. 177).

²⁰ Как «сродник» волоцкого игумена он упомянут в Житии Иосифа Волоцкого (ЧОЛДП. Кн. 2. Приложения. С. 121–122), как «племянник» – в Уставе церковном из собрания Волоцкого монастыря [Дианова, Костюхина, Поздеева, с. 300–301].

²¹ Книга сохранилась в составе библиотеки Иосифо-Волоцкого монастыря, ОР ГИМ. Епархиальное собрание. № 321 (далее – Епарх. 321); на л. Ia – вкладная запись Макария. На обложке задней крышки приписка о времени и месте написания: «в лѣто зѣ написана бысть книга сия святаа Исаакъ Сириянинъ дякомъ Ивановъ» – и далее, другими чернилами: «на Симоновѣ, а замышлением архимандрита Касиана Симоновскаго». Скорее всего, первая часть записи выполнена писцом, а вторая приписана позже, уже кем-то другим (характерны отличия в начертании букв «в» и «ъ»). Согласно П. М. Строеву, Кассиан был архимандритом на Симонове в 1511–1514 гг. [Строев, стб. 150], вероятно, сменив ушедшего на митрополию Варлаама. Архимандрит Кассиан был заказчиком Толковой Псалтири 1512 г., написанной дяком Павлом на Симонове, и Апостола толкового 1514/1515 г. [Усачев, т. 1, с. 350; т. 2, с. 44, 56]. Также Кассиан упоминается в монастырской грамоте от 16 сентября 1513 г. (Акты Симонова монастыря (1506–1613 гг.). С. 20–21. № 12). Правда, Макарий (Веретенников) на основании записи в Епарх. 321 предположил, что Кассиан был архимандритом уже в 1508 г. [Макарий (Веретенников), с. 125], что не подтверждается ни характером записи, выполненной в два этапа, ни сохранившимися актами Симонова

Кажется, уход из Иосифова монастыря части насельников был вызван не только тем, что пост архимандрита на Симонове занял Вассиан Санин, но и обстановкой, которая сложилась на Волоке из-за трений с князем Федором Борисовичем, чьи назойливые посягательства на пригланувшиеся ему ценности не могли не нарушать распорядка монастырской жизни. Правда, в Послании Б. В. Кутузову Иосиф не упоминал иноков, оставивших монастырь из-за притеснений удельного князя, но заметил, что «князь Федор умыслил преже меня отогнати з братьею с лутчею, да как не будет нас в монастыре, и ему волно будет грабити»²². Поэтому есть вероятность того, что некоторые даже из близких игумену Иосифу старцев могли покинуть основанную им обитель. (С другой стороны, когда самому игумену стали в тягость постоянные склоки, устраиваемые и поощряемые удельным князем, и он решил оставить обитель, именно братия убедила его не делать этого, подтолкнув к решительным действиям – бить челом митрополиту и великому князю²³.) Кстати, и Герасим Черный, изрядный книгописец, один из наиболее приближенных к волоцкому игумену старцев, принявший постриг от Пафнутия Боровского, сопровождавший Иосифа Санина в странствиях по русским обителям и поддержавший его желание основать монастырь на общежительных началах²⁴, удалился из Волоцкого монастыря, «послѣди внѣ обители ошелнически живяше»²⁵.

К числу ближайших к волоцкому игумену иноков, уход которых из монастыря в конце 1503 – начале 1507 г. можно связать с нападками на обитель князя Федора Борисовича, принадлежал, по всей вероятности, и Досифей Топорков. Племянник Иосифа – по-видимому, сын его брата Елеазара Санина²⁶ – принял постриг в Волоцком монастыре, участвовал (с братом Вассианом и артелью Дионисия) в росписи первого каменного храма обители, освященного 18 декабря 1485 г. [Плигузов, с. 185, 186], и покинул обитель на Волоке при жизни дяди и с его согласия; но когда это произошло и каковы были тому причины – доподлинно неизвестно. Сам Досифей, упоминая о своем уходе из монастыря, выразился так: «аще и удалихся немощи ради, по его благословению, но умомъ и сердцемъ повсегда с нимъ и с сущими его»²⁷.

Едва ли «благословение», которое Иосиф Волоцкий дал своему племяннику, свидетельствует о том, что между ними возникли какие-то трения, которые якобы стали причиной ухода, как о том иногда пишут [Ольшевская, с. 327]. Кроме того, Досифей постоянно подчеркивал свою принадлежность к иосифлянам²⁸, что может говорить не в пользу данной гипотезы. Скорее всего, покинуть Волоцкий монастырь его заставили внешние обстоятельства, которые даже игумен Иосиф осознавал как весьма неблагоприятные для пребывания в стенах обители. Да и «немощь» его племянника едва ли могла быть связана с каким-то недугом: Досифей прожил довольно долгую жизнь и скончался не позднее конца августа 1544 г. – во всяком случае, именно под 7052 г. его имя было внесено для поминовения в Синодик Иосифо-Волоцкого монастыря²⁹.

Кажется, ключ к решению проблемы находится в древнейшем монастырском Синодике, точнее, во включенной в его состав Вкладной книге, которая содержит запись, непосредствен-

монастыря от апреля 1507 г. и 8 января 1510 г., где фигурирует архимандрит Варлаам (Акты Симонова монастыря (1506–1613 гг.). С. 17–18. № 8; С. 20. № 11).

²² Послания Иосифа Волоцкого. С. 215.

²³ Там же. С. 216–217.

²⁴ ЧОЛДП. Кн. 2. Приложения. С. 16–17, 168.

²⁵ Там же. С. 120–121.

²⁶ Известны три брата Иосифа Волоцкого: иноки Акакий и Вассиан и мирянин Елеазар (ЧОЛДП. Кн. 2. Приложения. С. 16–17, 29–30, 131). Согласно распространенному мнению, «Елеазар Санин – очевидно, отец Досифея и Вассиана Топорковых» [Зимин, с. 40, примеч. 13].

²⁷ ЧОЛДП. Кн. 2. Приложения. С. 180.

²⁸ Как заметил А. Д. Седельников, в последующий период своей жизни иноком Волоцкого монастыря «в качестве постоянного обитателя, Досифей Топорков не мог счесться, хотя не переставал, странствуя по разным обителям, называть себя учеником Иосифа, “Иосифитом”» [Седельников, с. 761–762].

²⁹ ОР ГИМ. Епархиальное собрание. № 414 (далее – Епарх. 414). Л. 41. Ср.: [Клосс, с. 61].

но касающуюся Досифея Топоркова: «Написати Досифеа, Иосифова братаничя, в Сенаик и въ Повседневное Поминание на дватцать лѣт, коли преставиться. А он пришет по собѣ Пречистой Псалтирь Асафова писма в полдесть, да Стихирал знаменной в полдесть, да Лѣствицу Тлъковую в полдесть»³⁰.

Появление записи наверняка было приурочено к моменту, когда Досифей Топорков по благословению дяди вынужден был оставить Волоцкий монастырь, на это указывает то, что он «пришет» свой вклад, то есть будет находиться вне пределов обители. Содержание вклада свидетельствует об одном из двух: либо Досифей вынес книги из монастыря (и тем самым спас их от возможного разграбления князем Федором Борисовичем), либо Иосифов «братанич» взялся раздобыть эти книги для монастыря. Решению этого вопроса немало способствует то, что рукописи, содержащие пометы о принадлежности их Досифею, частью сохранились, частью упоминаются в описях монастырских книг XVI в. Таким образом, можно утверждать, что свои обязательства, зафиксированные во Вкладной книге, Досифей Топорков выполнил.

Итак, первая из названных книг, «Псалтирь Асафова писма в полдесть» – по всей вероятности, ОР ГИМ. Епархиальное собрание. № 109 (далее – Епарх. 109), последней четверти XV в., сохранившая две пометы, на л. 1: «Сиа Псалтыря Досифѣа» – и на л. 571³¹: «Псалтыря Досифея Топоркова». Скорее всего, Досифеева Следованная Псалтирь была переписана в Иосифо-Волоцком монастыре, а к ее созданию был причастен Иоасаф Тверитин – писец, имя которого присутствует в реестре монастырских книг 1545 г.³² Он переписал часть Псалтири с воследованием ОР ГИМ. Епархиальное собрание. № 86 (далее – Епарх. 86) с записью на л. 1: «Псалтырь, писмо Иасафа Тверитина Саватевскаго игумена псалмы, а слѣдованье Исаино Белого. Перевод добрѣ добрѣ, держати еѣ на списокъ». Сличение почерка, которым переписана Епарх. 86, с почерком Епарх. 109 (обе рукописи переписаны искусным полууставом) позволяет сделать вывод, что следованные статьи в последней рукописи с большой долей вероятности исполнены Иоасафом: об этом говорят характерные скорописные связные элементы «въ», «съ», «до», «да», «де» и несколько реже встречающееся «ко». Псалмы в Епарх. 109 переписаны четким полууставом, и указанные элементы связного письма там встречаются несколько реже: например, «въ», «съ», вытянутая, размашистая, выходящая за строку «к», характерное «д» в виде окружности с петлей, внутри которой писец часто помещает следующую гласную букву, «о», «а» или «е». Очевидно, Иоасаф Тверитин участвовал в переписывании Епарх. 109³³, поэтому отождествить Епарх. 109 с Псалтирью из Вкладной книги вполне возможно. По-видимому, Епарх. 109 упоминается и в монастырской описи 1545 г. как «Псалтирь в полдесть Дософѣвская», а в более поздних реестрах как «Псалтырь Досифѣя Топоркова, Иосифова брата (так! – А. К.)»³⁴.

«Стихирал знаменной в полдесть», принадлежавший Досифею Топоркову и вложенный им, по-видимому, незадолго до кончины в Иосифов монастырь, – это певческий сборник ОР ГИМ. Епархиальное собрание. № 174 (далее – Епарх. 174), последней четверти XV в.; начало этой рукописи, по л. 19, занимали праздничные стихиры (первые 16 листов рукописи утрачены). На л. 1 об. (17 об.) – помета: «Стихирал полнаи Досифѣя Топоркова»; на л. 389 (405) более пространная запись: «Книга глаголемая Ермолои, а писалъ сию многогрѣшны иннок Досифеи по благословению отца (своего) игумена Иосифа». Правда, В. В. Дергачев указал

³⁰ Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е годы) / Подгот. Т. И. Шаблова. СПб., 2004. С. 163–164 (Л. 73).

³¹ В Описании рукописей Епархиального собрания ГИМ ошибочно указан л. 471 [Дианова, Костюхина, Поздеева, с. 198].

³² Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. С. 28 (Л. 34, 35).

³³ В описании Епарх. 109 сказано, что это рукопись «разных почерков» [Дианова, Костюхина, Поздеева, с. 197].

³⁴ Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. С. 28 (Л. 34); Описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 и 1591 гг. / Публ. Р. П. Дмитриевой // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 60 (Л. 154).

на еще одну певческую рукопись со стихирами на год, которая могла принадлежать Досифею Топоркову и, возможно, была им переписана: ОР РГБ. Ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоцкого монастыря). № 262 (далее – Волок. 262), середины XVI в. [Дергачев, с. 220, 224–225, примеч. 61–62]. Впрочем, эта рукопись попала в Иосифо-Волоцкий монастырь отнюдь не от Досифея; кроме того, в обители участие Иосифова племянника в ее создании или то, что она могла ему принадлежать, оставалось неизвестным. Рукопись содержит две приписки. Из первой, по л. 2–12, следует, что в монастырь книгу вложил по своей душе старец Корнилий Новгородец. Вторая помета, на л. 412 об., сообщает, что Корнилию Новгородцу, на тот момент дьякону Чудова монастыря, рукопись Волок. 262 была продана в 7065 (1556/1557) г. неким Андреем Денисьевым, а прежде она принадлежала отцу (вероятно, духовному) Андрея, старцу Досифею. По этой причине Волок. 262 не упоминается в описи 1545 г., зато среди дополнений к ней значится «Стихорал в полдесть полной», дача Корнилия Новгородца, причем предыдущая запись о книгах старца Феодорита Ржевского сделана под 7081 г.³⁵ В реестр монастырских книг 1573 г. «Стихираль данья старца Корнилия Ноугородца» оказывается уже внесенной – вероятно, этим годом и следует датировать вклад, – так же как и «Ермолой полной с стихиралемъ Досифѣя Топоркова, Иосифова братанича, в начале заставица»³⁶. Очевидно, если Стихираль Корнилия – это Волок. 262, то Ирмологий Досифея – явно Епарх. 174, который, по всей вероятности, в описи библиотеки Волоцкого монастыря 1545 г. числится как «Ермолой в полдесть, Дософѣево писмо Вощечниково»³⁷. Таким образом, есть основания утверждать, что рукопись Епарх. 174, созданная Досифеем Топорковым в бытность его насельником Иосифова монастыря, впоследствии вместе с ним покинула обитель на Волоке и вновь оказалась там, вероятно, в первой половине 1540-х гг.

Иначе сложилась судьба третьей части вклада Досифея, списка Лествицы с толкованием. В книжную опись 1545 г. внесена Лествица «в полдести Дософѣевская, а писана со Святогорской»³⁸. Упомянутая здесь же Лествица «в полдести Святогорская словеть» имеет отличительную особенность: «по полем писано толкование»³⁹, и поэтому может быть отождествлена с сохранившейся рукописью ОР РГБ. Ф. 113 (Собрание Иосифо-Волоцкого монастыря). № 462 (далее – Волок. 462)⁴⁰. К сожалению, отождествить Лествицу с толкованиями, принадлежавшую Досифею Топоркову, с какой-либо из сохранившихся рукописей на данном этапе не представляется возможным: сведений о ней нет в реестрах монастырских книг 1573/1591 гг. Тем не менее весьма вероятно, что отмеченный книгохранителем в 1545 г. список Толковой Лествицы покинул Волоцкий монастырь вместе с Досифеем, но впоследствии был возвращен.

Вместе с тем сохранилась еще одна связанная с Досифеем рукопись, которую постигла схожая участь. Речь идет о сборничке ОР ГИМ. Епархиальное собрание. № 357 (далее – Епарх. 357). Рукопись учтена в реестре монастырского имущества 1545 г. как «Соборникъ в четверть

³⁵ Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. С. 41 (Л. 68 об.).

³⁶ Описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 и 1591 гг. С. 87 (Л. 208–208 об.). Имя Корнилия Новгородца записано в Синодике Волоцкого монастыря под 7085 (1576/1577) г. (Епарх. 414. Л. 56) – скорее всего, в это время он и скончался.

³⁷ Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. С. 36 (Л. 51). С неоднократно упоминаемым в реестре монастырских книг 1545 г. Досифеем Вощечниковым Иосифова племянника отождествила, по всей вероятности, Р. П. Дмитриева [Дмитриева].

³⁸ Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. С. 31 (Л. 40).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. С. 31 (Л. 40). Примечательно, что, судя по пометам писца, Евсевия-Ефрема, «Святогорская» Лествица была создана зимой 1420 – весной 1421 г. в Константинополе (Волок. 462. Л. 2, 324–324 об.), но, вероятно, попала на Русь с Афона, что, собственно, отразилось в ее наименовании в описях монастырской библиотеки (ср.: Описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 и 1591 гг. С. 73 (Л. 179 об.)). Именно туда вскоре после завершения работы над Лествицей Волок. 462 переехал ее создатель, Евсевий-Ефрем [Гальченко, Яценко].

дести старь, письмо и събрание отца нашего Иосифа, в началъ Слово о житии святых отец»⁴¹, а на том же л. I в Епарх. 357 сохранились две записи относительно происхождения рукописи и ее судьбы: «А се сборник и письмо и собрание старца и отца нашего Иосифа», и ниже, иным почерком: «а вынесль его из монастыря Досифеи и прислал его ис Саватиева». Правда, в историографии содержание последней записи толкуется в том смысле, что Досифей вынес ее из Савватъевой пустыни и прислал на Волок [Невоструев, с. 170; Седельников, с. 765, примеч. 3; Усачев, т. 1, с. 225]. Однако с учетом вышесказанного оборот «вынесль его из монастыря» можно понимать так, что сборничек Епарх. 357 был вынесен не из Савватъева монастыря, с которым были связаны как игумен Иосиф, так и Досифей Топорков⁴², а из монастыря на Волоке.

Таким образом, можно говорить по крайней мере о трех-четырех рукописях⁴³, которые Досифей Топорков вынес из Иосифова монастыря с благословения и одобрения своего дяди, что было зафиксировано во Вкладной книге.

Последовательность записей, которые в этой части Вкладной книги (Л. 70–73 об.) вносились хронологически, позволяет уточнить время, когда Досифей оставил место своего пострижения. Первая из них – запись 7011 г. о пятнадцатилетнем поминании князя Василия Глебовича Звенигородского, отца инока Дионисия Звенигородского – известного Иосифова постриженника и собеседника Нила Сорского⁴⁴. Следом идет вечное поминовение «Феодосия Иконника, Деонисиева сына» и его вклады: участие в росписи монастырской церкви, деревня Судниково и «иконы Андрѣева писма Рублева, а цена им двадцать рублей». Иконы затем были отобраны у монастыря князем Федором Борисовичем, о чем поведал Иосиф в Послании Б. В. Кутузову, и в составленной позднее монастырской Вкладной книге они не упоминаются⁴⁵. Перечень продолжает недатированная приписка о вечном поминании инока Макария, в миру – Оладья Андреева сына Клементьева, давшего монастырю 50 рублей на ежегодный корм по душе⁴⁶. Затем следует запись о поминании Василия Мохни на 20 лет, сделанная в 7012 (1503/1504) г., а уже за ней – запись о Досифее Топоркове, внесенная, очевидно, в тот момент, когда разрастался конфликт монастыря с удельным князем. Датировать время ухода Досифея

⁴¹ Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. С. 35 (Л. 49 об.). В более поздних описях 1573 и 1591 гг. Епарх. 357 обозначена как «Сборникъ в четвертъ, письмо и собрания первое преподобнаго старца Иосифа, письмо мѣло, от многихъ книгъ собрано божественнаго писания» (см.: Описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 и 1591 гг. С. 56 (Л. 145 об.)).

⁴² Досифей вложил в Савватиевский монастырь список составленного им Русского Хронографа, список Синайского патерика, три иконы и 5 рублей денег, наказав поминать своих родителей, инока Евфимия и инокиню Иулию, брата Ивана и себя, Досифея [Седельников, с. 766]. Иосиф Волоцкий, по его собственным словам, посещал Савватъевскую пустынь (ВМЧ. Сентябрь. Дни 1–13. СПб., 1868. Стб. 556), однако неизвестно, подвизался ли он в тамошнем скриптории.

⁴³ Возможно, таких рукописей было несколько больше и не все они были связаны с именем Досифея. Так, в древнейшей монастырской Вкладной книге упоминается напрестольное «Евагелие доброписицева писма Сергиева, сребром обложено, да золотом прописано», вложенное князем Иваном Борисовичем Рузским (Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е годы). С. 158). Евангелие это, однако, не числится в описях 1545 и 1573/1591 гг., но подробно описано в Обиходнике Евфимия Туркова 1578 г.: отличительной чертой его является деисус на верхней крышке (ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 829 (далее – Син. 829). Л. 63 об.–64), в то время как подавляющее большинство такого рода рукописей украшались распятием (ср.: Описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 и 1591 гг. С. 42–45 (Л. 115–119)). Т. В. Николаева заметила, что описанию из Обиходника соответствует сохранившееся Евангелие из Песношского монастыря [Николаева, с. 234]. Примечательно, что с этим монастырем был связан Вассиан Топорков, который, подобно своему брату Досифею, являлся постриженником Иосифа Волоцкого (ЧОЛДП. Кн. 2. Приложения. С. 150–151).

⁴⁴ О Дионисии Звенигородском см.: ЧОЛДП. Кн. 2. Приложения. С. 126–127. В один из сборников инока Дионисия включена родословная роспись Звенигородских князей, в которой он назван своим мирским именем – Даниил [Бычкова, с. 39].

⁴⁵ Послания Иосифа Волоцкого. С. 212; Епарх. 419. Л. 33–33 об.

⁴⁶ Оладья-Макарий, очевидно, был жив во время внесения записи, поскольку в ней дата корма по его душе не указана (в отличие более поздней редакции Вкладной книги, где предписывалось совершать корм по Оладье 7 января (Епарх. 419. Л. 29)). Вероятно, не умер Оладья и к моменту составления духовной грамоты князя Федора Борисовича Волоцкого (приблизительно апрель 1506 г.), где он упомянут (ДДГ. С. 407. № 98). Оладья был дьяком «княж Борисов Васильевича» (ДДГ. С. 292. № 77), а принял постриг, по всей вероятности, в Иосифовом монастыре, во всяком случае, там находилась могила Оладья-Макария (Син. 829. Л. 74).

из обители позволяет последующая запись, о кормовом поминовении князя Михаила Дмитриевича Холмского, княгини Оксинии и князя Ивана; когда она была сделана – неизвестно, зато сказано, что на их вклад «ставили поварню камену»⁴⁷.

Строительство каменной поварни, к которому, очевидно, приступили едва ли не сразу после получения вклада, следует связать с возведением монастырской трапезной с церковью Богоявления, начатым 9 мая 1506 г.⁴⁸ О вкладе по князю М. Д. Холмскому в подробностях рассказывает Иосиф Волоцкий в Послании Б. В. Кутузову. Оказывается, игумен Евфимий, «духовник княж Михайловы княгини Оксиньи Холмского», привез в Иосифов монастырь в качестве вклада половину драгоценного пояса с тем, чтобы продать его, а 15 рублей из вырученных денег послать к месту упокоения княгини Оксиньи. Старцы хотели отправить Евфимия к волоцкому князю, чтобы тот выкупил пояс, но Евфимий отказался, справедливо полагая, что Федор Борисович «не даст за пояс ничего, ино, однако, князю и княгине не будет памяти»⁴⁹. В конце концов пояс был продан князю Юрию Ивановичу Дмитровскому, первые известные контакты Иосифовой обители с которым относятся к марту 1506 г., когда князь Юрий выдал жалованную несудимую грамоту на монастырские деревни в Рузском уезде⁵⁰. Примечательно, что вся история с поясом прошла мимо князя Федора Борисовича, который, судя по сообщениям Иосифа, зорко следил за поступающими в монастырь вкладами. Можно предположить, что в момент появления на Волоке игумена Евфимия с поясом князь отсутствовал в своем уделе: в это время он мог участвовать в неудачном для русских войск походе на Казань апреля – июня 1506 г.⁵¹ Поэтому вклад по князю М. Д. Холмском и его семье, как и появление соответствующей записи во Вкладной книге при древнейшем Синодике Иосифо-Волоцкого монастыря, следует датировать весной – началом лета 1506 г. Вероятно, к этому времени Досифей Топорков уже жил вне обители своего дяди.

Уход Досифея, таким образом, можно приурочить к 1504 – началу 1506 г.⁵², времени для Иосифо-Волоцкого монастыря весьма непростому. По всей вероятности, выходы удельного князя в монастыре могли терпеть не все насельники, а «немошь» Иосифова племянника, из-за которой он вынужден был покинуть обитель, могла быть вызвана столкновениями с князем. Досифей Топорков пошел прочь с поручением сохранить монастырские книги, которые могли приглядываться Федору Борисовичу.

Обобщая и подводя итог сказанному, отметим следующее. В условиях конфликта с удельным волоцким князем, отнимавшим вклады на помин души, покушавшимся на монастырские книги, иконы и иные ценности, крайне враждебно относившимся к попыткам настоятеля и братии противостоять его поползновениям, в конце 1503 – начале 1507 г. Иосифов монастырь вынуждена была покинуть часть иноков. Некоторые из них были близкими к игумену Иосифу людьми, грамотными, с хорошей книжной выучкой⁵³, как это видно на примере книгописца

⁴⁷ Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е годы). С. 162–164 (Л. 72 об.–73 об.).

⁴⁸ «В лето 7014 Иосиф основал трапезу камену месяца мая 9». Очевидно, «основал» здесь используется в значении «заложил»; так в монастырском летописчике сказано и об основании каменной Успенской церкви: Иосиф «основа ея в лето 6992», а «свящал ея» полтора года спустя (цит. по: [Плигузов, с. 185]).

⁴⁹ Послания Иосифа Волоцкого. С. 211. Правда, Иосиф Волоцкий сообщает, что пояс был продан за 100 рублей, из которых 15 были переданы к месту упокоения княгини Оксиньи, что плохо вяжется с упоминаемой во Вкладной книге суммой в 150 рублей. Вероятно, не все детали этой истории сохранились.

⁵⁰ АФЗХ. Т. 2. С. 37–38. № 35.

⁵¹ ПСРА. Т. 39. С. 177. Об участии в походе князя Федора Волоцкого см.: Разрядная книга 1475–1598 гг. / Под ред. В. И. Буганова. М., 1966. С. 36.

⁵² Л. А. Ольшевская полагает, что Досифей ушел в Симонов монастырь за некоторое время до того, как Вассиан Санин, бывший архимандритом этой обители, был поставлен на Ростовскую кафедру, то есть до начала 1506 г. (см. выше, примеч. 18). На Симонове, по мнению исследовательницы, сложилось литературное сотрудничество дяди и племянника: первый составлял Житие Пафнутия Боровского, а второй работал над повестями отца Пафнутия, вошедшими в состав Волоколамского патерика [Ольшевская, с. 327]. Эти сочинения, действительно, имеют много общих сюжетов, поэтому гипотеза выглядит правдоподобно.

⁵³ Иосиф Волоцкий сообщил о 10 волоцких чернецах, которые купились на уговоры князя Федора и сбежали из монастыря, взяв 12 книг, иконы, «да иную рухлядь келейную всю» (Послания Иосифа Волоцкого. С. 216).

Герасима Черного, Герасима Замыцкого, ставшего позже архимандритом Симонова монастыря⁵⁴, и Досифея Топоркова – одного из прославленных иосифлянских писателей. Происходило и рассеивание монастырских ценностей, в первую очередь книг и икон, которые либо рассылали по монастырям, либо уносили с собой бежавшие от «удельного самоуправления»⁵⁵ чернецы. Некоторые книги, как было показано выше, на примере с Псалтирью Герасима Черного и рукописями Досифея Топоркова, позже были возвращены в монастырь.

Литература

- Алексеев А. И. «Бодроопасный воин Христов»: Иосиф Волоцкий и его сочинения в свете данных современной науки. М.; СПб., 2019. 376 с.
- Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в.: историко-генеалогическое исследование. М., 1986. 224 с.
- Гальченко М. Г., Яценко А. Н. Палеографические и графико-орфографические особенности Лествиц 1421 и 1424 гг., написанных в Константинополе и на Афоне русским монахом Евсевием-Ефремом (к вопросу о втором южнославянском влиянии) // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 31–47.
- Дергачев В. В. Родословие Дионисия Иконника // Памятники культуры. Новые открытия. 1988. М., 1989. С. 210–225.
- Дианова Т. В., Костюхина Л. М. Рукописные книги Иосифо-Волоколамской библиотеки (по материалам Отдела рукописей Государственного Исторического музея) // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 100–121.
- Дианова Т. В., Костюхина Л. М., Поздеева И. В. Описание рукописей Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 122–415.
- Дмитриева Р. П. Досифей Топорков (Вощечников) // СККДР. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 201–203.
- Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М., 1977. 356 с.
- Клосс Б. М. О происхождении названия «Россия». М., 2012. 152 с.
- Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.; Л., 1960. 532 с.
- Макарий (Веретенников), архим. Преподобный Иосиф Волоцкий и Всероссийский митрополит Макарий // Макарий (Веретенников), архим. Московский митрополит Макарий и его время. М., 1996. С. 123–133.
- Невострюев К. И. Рассмотрение книги И. Хрущева // Отчет о XII присуждении наград графа Уварова. СПб., 1870. С. 84–186.
- Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. 288 с.
- Ольшевская Л. А. История создания Волоколамского патерика, описание его редакций и списков // Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С. 316–350.
- Плигузов А. И. Летописчик Иосифа Санина // Летописи и хроники. М., 1984. С. 174–186.
- Седельников А. Д. Досифей Топорков и Хронограф // Известия Академии наук СССР. Серия VII. 1929. № 9. С. 755–773.
- Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. М., 1877. X с., 1064, 68 стб.
- Усачев А. С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей: в 2 т. М.; СПб., 2018. Т. 1. 469, [2] с.; Т. 2. 524, [1] с.

References

Alekseev, A. I. "Bodroopasnyi voyn Khristov": Iosif Volotskii i ego sochineniya v svete dannykh sovremennoy nauki ["The Vigilant Soldier of Christ": Joseph Volotsky and His Writings in the Light of the Data of Modern Science]. Moscow; Saint Petersburg, 2019. 376 p.

Едва ли среди них были близкие к игумену иноки, скорее речь идет о монастырской фронде. О таковой упоминал и Досифей Топорков (ЧОЛДП. Кн. 2. Приложения. С. 174).

⁵⁴ Согласно П. М. Строеву, в 1520–1526 гг. [Строев, стб. 150]; архимандрит Герасим упоминается в монастырских актах в период с 1522 по 1525/1526 г. (Акты Симонова монастыря (1506–1613 гг.). С. 24. № 17; С. 25. № 18; С. 27. № 20; С. 34. № 29).

⁵⁵ Термин предложил и использовал Я. С. Лурье, который, при всем его критическом отношении к Иосифу Волоцкому и его писаниям, вполне доверял его известиям о деятельности князя Федора Борисовича [Лурье, с. 436].

- Bychkova, M. E. Sostav klassa feodalov Rossii v XVI v.: istoriko-genealogicheskoe issledovanie [The Composition of the Feudal Class of Russia in the 16th Century: Historical and Genealogical Research]. Moscow, 1986. 224 p.
- Dergachev, V. V. Rodoslovie Dionisiya Ikonnika [The Genealogy of Dionysius Ikonnik]. In *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya*. 1988. Moscow, 1989. Pp. 210–225.
- Dianova, T. V., Kostyukhina, L. M. Rukopisnye knigi Iosifo-Volokolamskoi biblioteki (po materialam Otdela rukopisei Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya) [Handwritten Books of the Iosifo-Volokolamsk Library (Based on the Materials of the Manuscripts Department of the State Historical Museum)]. In *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Iosifo-Volokolamskii monastyr' kak tsentr knizhnosti*. Leningrad, 1991. Pp. 100–121.
- Dianova, T. V., Kostyukhina, L. M., Pozdeeva, I. V. Opisanie rukopisei Iosifo-Volokolamskogo monastyrya iz Eparkhial'nogo sobraniya GIM [Description of the Manuscripts of the St. Joseph-Volokolamsky Monastery from the Diocesan Collection of the State Historical Museum]. In *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Iosifo-Volokolamskii monastyr' kak tsentr knizhnosti*. Leningrad, 1991. Pp. 122–415.
- Dmitrieva, R. P. Dosifei Toporkov (Voshchechnikov) [Dosifey Toporkov (Voshchechnikov)]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad, 1988. Issue 2. Part 1. Pp. 201–203.
- Gal'chenko, M. G., Yatsenko, A. N. Paleograficheskie i grafiko-ortograficheskie osobennosti Lestvits 1421 i 1424 gg., napisannykh v Konstantinopole i na Afone russkim monakhom Evseviem-Efremom (k voprosu o vtorom yuzhnoslavianskom vliyani) [Paleographic and Graphical-Orthographic Features of the Ladders of 1421 and 1424, Written in Constantinople and on Mount Athos by the Russian Monk Eusebius-Ephraim (On the Question of the Second South Slavic Influence)]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. 1997. No. 1. Pp. 31–47.
- Kloss, B. M. O proiskhozhdenii nazvaniya "Rossiya" [About the Origin of the Name "Russia"]. Moscow, 2012. 152 p.
- Lur'e, Ya. S. Ideologicheskaya bor'ba v russkoi publitsistike kontsa XV – nachala XVI veka [The Ideological Struggle in Russian Journalism of the Late 15th – Early 16th Century]. Moscow; Leningrad, 1960. 532 p.
- Makarii (Veretennikov), archim. Prepodobnyi Iosif Volotskii i Vserossiiskii mitropolit Makarii [St. Joseph of Volotsky and All-Russian Metropolitan Makarii]. In *Makarii (Veretennikov), archim. Moskovskii mitropolit Makarii i ego vremena*. Moscow, 1996. Pp. 123–133.
- Nevostruev, K. I. Rassmotrenie knigi I. Khrushcheva [Review of the Book by I. Khrushchev]. In *Otchet o XII prisuzhdenii nagrad grafa Uvarova*. Saint Petersburg, 1870. Pp. 84–186.
- Nikolaeva, T. V. Prikladnoe iskusstvo Moskovskoi Rusi [Applied Art of Muscovite Rus]. Moscow, 1976. 288 p.
- Ol'shevskaya, L. A. Istoriya sozdaniya Volokolamskogo paterika, opisanie ego redaktsii i spiskov [The History of the Creation of the Volokolamsk Paterik, a Description of Its Redactions and Copies]. In *Drevnerusskie pateriki. Kievno-Pecherskii paterik. Volokolamskii paterik*. Moscow, 1999. Pp. 316–350.
- Pliguzov, A. I. Letopischik Iosifa Sanina [The Chronicle of Joseph Sanin]. In *Letopisi i khroniki*. Moscow, 1984. Pp. 174–186.
- Sedel'nikov, A. D. Dosifei Toporkov i Khronograf [Dosifey Toporkov and the Chronograph]. In *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya VII*. 1929. No. 9. Pp. 755–773.
- Stroev, P. M. Spiski ierarkhov i nastoyatelei monastyrei Rossiiskoi tserkvi [Lists of Hierarchs and Abbots of Monasteries of the Russian Church]. M., 1877. X p., 1064, 68 col.
- Usachev, A. S. Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannykh vykhodnykh zapisei: v 2 t. [Book Writing in Russia of the 16th Century: Based on the Materials of Dated Output Records: In 2 vol.]. Moscow; Saint Petersburg, 2018. Vol. 1. 469, [2] p.; Vol. 2. 524, [1] p.
- Zimin, A. A. Krupnaya feodal'naya votchina i sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Rossii (konets XV – XVI v.) [Large Feudal Patrimony and Socio-Political Struggle in Russia (Late 15th – 16th Centuries)]. Moscow, 1977. 356 p.

Alexander A. Kazakov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ON SOME CONSEQUENCES OF THE CONFLICT BETWEEN IOSIFO-VOLOTSKY MONASTERY AND APPANAGE PRINCE FYODOR BORISOVICH: DOSIFEY TOPORKOV AND HIS MANUSCRIPTS

The conflict between appanage Prince Fyodor Borisovitch and Iosifo-Volotsky Monastery is an interesting and at the same time tragic page of monastic history of the early 16th century. It has been studied in the context of the appanage Prince's trespass on the monastic property. This article shows the events in a different way. The author's main interest is the influence of the conflict with Fyodor Borisovitch on the destiny of the monks, principally Dosifey Toporkov.

Keywords: Iosifo-Volotsky Monastery, josephites book culture, Volok Appanage, Prince Fyodor Borisovitch, Dosifey Toporkov

